

Посвящается Д.С.

*Для того чтобы рассказать о магии,
которую ты приносишь в мою жизнь,
мне пришлось написать целую книгу.*

Да не на мнозе удаляйся общения Твоего,
от мысленного волка звероуловлен буду.

Иоанн Златоуст.

ПРОЛОГ

— Ты убила его. — Королева смотрела спокойно и холодно, и туманное голубое свечение, разлитое вокруг, отражалось в ее больших глазах.

— Помоги мне! — Руки дрожали, по ладоням пробежала судорога, но ничего не получалось. Магии не было.

— Ты убила его, — повторила Королева, — а теперь хочешь, чтобы я помогла тебе его спасти?

— Я не хотела!

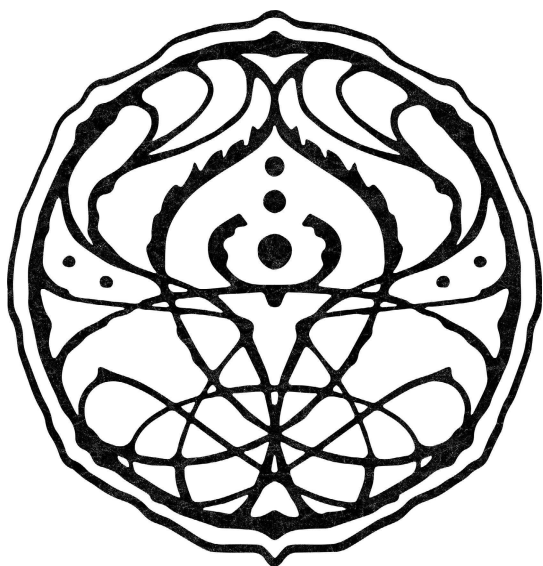
— Конечно. Но ты хотела быть сильной и жестокой, не так ли?

Марика подняла глаза, но посмотрела не на Королеву, а прямо перед собой.

— Он тоже хотел быть умным и хитрым, — сказала она глухо.

— Ты права, — улыбнулась Королева. — И теперь настала пора платить.

Часть первая
Дети

I КЕЙЗА

В Кастинии считают, что солнце садится за горы Сантинел и встает из вод Жемчужного моря. Конечно, как и всякие жители столицы, кастинийцы крайне невежественны в вопросах географии, и потому не стоит всецело полагаться на их слова. Но в одном они правы. Никто не знает, где заканчивается Жемчужное море, и никто не знает, есть ли что-нибудь по ту сторону гор Сантинел. Разумеется, время от времени находят умники, которым позарез нужно это выяснить — ну и кто из них вернулся назад? Правильно. Никто.

Горы Сантинел — это гряда неприступных пиков, а их предгорья — последний оплот цивилизации. Станный край, серый край, место колдовства и древних легенд. Из-за хребта в долину постоянно спускаются плотные облака, и потому холмистое предгорье так и называют — Туманный край. Большую часть года солнце бывает здесь редким гостем. Пронизывающий ветер прилетает с гор и запутывается в ветвях вековых елей, а по ночам раздается пронзительный вой, недвусмысленно говорящий о том, какие звери наверняка могут встретиться в Лесу неосторожному путнику. Даже собаки в деревнях выглядят очень подозрительно, и нельзя сказать наверняка, сколько в них от волкодава, а сколько — от волка.

Жители гор верят в магию — но не в ту, что преподают в школе Кастинии и призывают ко двору короли,

не в ту, что одевается в роскошные одежды и облакает силу в красивые слова и величественные жесты. Они верят в древнее колдовство, испокон веков обитавшее в сумрачных лесах. Это колдовство так же старо, как сама земля, вздыбившаяся здесь в своем стремлении слиться с небом, оно разлито в туманном воздухе, им дышат темные ели.

Конечно, ведьмы встречаются не только в Туманном крае. По правде сказать, почти в любой деревне есть своя колдунья, или знахарь, или любой другой человек, способный заговорить скот или приворожить суженого. Но ведьмы с гор Сантинел совершенно другой породы. Они не пытаются обмануть природу, как это делают другие. Подобно величайшим из магов, они заключают с природой договор, но, в отличие от магов, санинельские ведьмы отлично понимают, что природа отнюдь не обязана этот договор исполнять. Природа — сама себе госпожа. Она может помочь тебе, но может и не помогать. И это тоже нужно уметь принимать.

Кейза знала это ничуть не хуже других. Пятьдесят одну осень она прожила в Туманном крае, недалеко от деревни Дрик, неизменно помогая ее жителям словом, делом или бездействием. Кейза уже давно поняла: иногда лучшая помощь — это отсутствие всякой помощи.

В последнее время, впрочем, бездействовать хотелось куда чаще, чем это было необходимо. В соседней деревне, Оре — соседней по меркам Туманного края, а значит, совсем не близкой, — умерла ведьма. По традиции, та растила себе смену, но девочка оказалась настолько слаба здоровьем, что не пережила Наар и на день. После того как догорел их погребальный костер, староста Оры подошел к Кейзе и тихо пробормотал, глядя в сторону:

— Вы же не оставите нас.

Кейза даже не стала кивать. Это был не вопрос.

С тех пор она не знала покоя. Конечно, те жители Оры, что могли дойти на своих двоих, приходили к ней сами, но ведь были и те, кто дойти не мог. Роженицы, умирающие, умершие, над которыми нужно было развеять листья и пропеть Последнюю песню — Ора считалась большой деревней. А Кейза была уже не молода.

Год спустя она возвращалась к себе после тяжелых, долгих родов, которые закончились Последней песней. Кейза остановилась перевести дух и посмотрела на дорогу, убегаящую вниз. Часть пути из Оры проходила по главной дороге Туманного края, той самой, что вела отсюда в большой мир. Она спускалась вниз, пересекала речку Саар и поднималась между двумя холмами, теряясь в тумане. Там, за последней цепочкой холмов, начиналась равнина.

Туман поднялся, полуденное солнце слепило глаза сквозь тонкую серую пелену. Кейза прищурилась и приложила руку к глазам. Нахмурилась, пытаясь сквозь молочный блеск разглядеть слабое движение у подножия холмов, на том берегу реки. Сначала она подумала, что ей показалось. Но там точно кто-то был — медленно, но верно по дороге двигалась маленькая точка. Вот она уже добралась до моста, и стало видно, что это не одна, а две точки, двое путников. Они начали подниматься от реки, и Кейза прищурилась еще сильнее.

Две женщины шли не торопясь, с размеренным спокойствием людей, которые привыкли много ходить и умеют правильно расходовать свои силы. Подъем был долгим и крутым, но обе женщины дышали ровно и легко, когда подошли к неподвижной Кейзе.

Кейза медленно опустила руку, не сводя с них взгляда жестких серых глаз. Женщины были почти точной копией друг друга: высокие, широкоплечие, с длинными

спутанными волосами цвета дорожной пыли, вот только у одной между пепельных прядей проблескивала седина, а лицо с крупными спокойными чертами покрылось морщинами — совсем как у Кейзы.

— Ты ждала нас, — тихо сказала старшая.

Кейза не стала кивать. Это был не вопрос.

Раздался непонятный писк, и молодая женщина слегка повернула голову, оглянувшись через плечо. Кейза снова прищурилась. Из-за плеча на нее смотрели внимательные глаза цвета темного жемчуга.

Она ошибалась. Женщин было трое.

Девочек Кейзу и Лагит взяла к себе в дом Агхар-Террая. Многие тогда говорили, что брать обеих неправильно — как решить, кто после смерти Агхар займет ее место? Но Лагит решила эту проблему за всех: в шестнадцать она сбежала из хижины ведьмы. Все считали, что Лагит сгинула в Лесу, все, включая Кейзу, но через два года сестра вернулась. Из-за плеча на Кейзу смотрели серые глаза племянницы.

Агхар-Террая умерла через несколько осеней после этого, а Лагит с девочкой остались жить у Кейзы. Она против своей воли привязалась к племяннице, и постепенно Дора стала ее ученицей. Лагит никак не вмешивалась в это — она вела их скромное домашнее хозяйство и никогда не претендовала на то, чтобы быть ведьмой наравне с сестрой.

Наверное, Кейза должна была это предвидеть — все-таки Дора была дочерью Лагит. Но побег племянницы застал ее врасплох. Она действительно успела сильно к ней привязаться.

Через два дня Лагит, не говоря ни слова, ушла. Кейза осталась одна в непривычно пустом доме.

Она так и не простила их.

Лагит и Дора с ребенком поселились в хижине Наар, а Кейза не знала, что и думать. С одной стороны, стоило порадоваться. Теперь в Оре появилась своя ведьма, и Кейза могла перестать бегать туда-сюда, словно курица по двору. Да и вообще, сестра и племянница вернулись, живые и невредимые. За это тоже стоило поблагодарить Лес.

Но Кейза по-прежнему на них злилась. Она не могла понять, почему этим дурам не сиделось на месте, почему нужно было убегать из дома, а возвращаться непременно с ребенком в подоле. Ну хорошо. Не в подоле, а за спиной. Это все равно ничего не меняло.

Кейза злилась еще несколько недель — на большее ее не хватило.

«Посмотрю, как они там устроились, — говорила она себе, продираясь сквозь заросли крапивы, которая смыкалась высоко у нее над головой. — Просто посмотрю — и все».

Когда Кейза вошла в хижину, она сразу увидела, что Лагит не сидела без дела. Все было вычищено, выметено, на окнах пестрели занавески, а травы над очагом висели в строгом порядке. Дора, которая мешала в котелке то ли суп, то ли зелье, подняла голову и улыбнулась тете. Лагит не отрывала глаз от шитья. Девочка сидела рядом с матерью на полу и внимательно смотрела на Кейзу из-под черной челки. Ведьма заметила, что глаза внучки при этом стали чуть светлее, ближе к голубому, чем к темно-серому.

Кейза наклонилась к внучке,дохнула на нее терпким запахом опавшей хвои и поломанных крапивных стеблей.

— Как ее зовут? — спросила Кейза, прищурившись.

— Марика, — отозвалась ее племянница.

— *Моар*, — кивнула Кейза, а Дора и Лагит вздрогнули. — Ну здравствуй, Волчок.

Далеко в Лесу, меж стволов вековых елей, шевельнулась серая тень.

II МАРИКА

Весь мир принадлежал Марике. Он начинался от порога их дома и заканчивался у двери бабушки Кейзы. И все это огромное пространство, все эти деревья, птицы, звери, цветы, травы, ягоды, бабочки и комары — все это принадлежало только ей одной. Хотя комарами, подумала Марика, с размаху шлепая себя по шее, она с удовольствием с кем-нибудь поделилась бы.

Лес был родным. Пальцы гладили шершавую кору елей, босые ноги проваливались в мох и пожелтевшую хвою, и малейший шорох был исполнен смысла и значения, и ветер, вдруг продиравшийся сквозь плотные тяжелые ветви откуда-то сверху, приносил облегчение и обещание тепла и солнца. Как-то раз бабушка Кейза спросила, не страшно ли Марике в Лесу одной. Она только удивленно фыркнула. Это был ее Лес. Чего в нем бояться?

Другое дело — деревня. Марика не любила туда ходить. Всякий раз, когда мама или бабушка Лагит посылали ее, она надувала губы, хмурилась и плелась нога за ногу. Тогда мама открывала дверь и кричала вслед, что отшлепает Марику заговоренным венником, если та сейчас же не поторопится. Однажды Марика уже познакомилась с этим загадочным предметом и больше пробовать не хотела, поэтому она тут же пускалась бежать со всех ног и влетала в деревню, за-

дыхаясь, с раскрасневшимся от бега лицом и спутанными черными патлами вместо волос. Марика старалась провести там как можно меньше времени и сразу же стремглав мчалась домой, под сень родных живых елей. Деревня была пристанищем мертвых деревьев. И странных людей.

Марика давно поделила все человечество на «своих» и «чужих» по одному простому признаку — запаху. «Свои» пахли просто и понятно — Лесом, хвоей, дымом, козьим молоком, горячими лепешками, сушеными травами. Чужие пахли по-разному, но всякий раз их запах недвусмысленно предостерегал — осторожно! Держись подальше. Не стоит ждать ничего хорошего.

«Своими» были мама, бабушка Лагит, бабушка Кейза и Тур Кийри, староста Оры. Он, правда, порой источал очень странный, резкий и сладковатый запах, но Марика заметила, что в такие дни Тур был особенно добродушным и веселым, а значит, это был правильный запах. К тому же мамыны руки пахли точно так же после того, когда она готовила целебные настойки. Значит, этот запах тоже был своим.

Марика остановилась на узкой тропинке и глубоко вдохнула. В нос ударил сильный грибной дух, она поморщилась, а потом машинально глянула под ноги. Тропинка была пустой. Марика сорвала травинку и задумчиво пожевала кончик, посмотрела наверх, журуясь от солнца, которое плотные ветви дробили на тысячи пляшущих бликов. Бросила травинку и помчалась что есть духу, перепрыгивая через корни и ямы, проносясь сквозь крапиву так быстро, что та не успевала ее обстрекать. Когда Марика добежала до хижины бабушки Кейзы, она резко остановилась и долго стояла, прислушиваясь к Лесу. Бабушка всегда спрашивала, что слышно в Лесу. Надо было подготовиться.

Но в Лесу не было слышно ничего особенного, поэтому Марика подошла к низкой двери и тихонько постучалась.

— Входи, Волчок, — раздалось изнутри.

Марика облегченно вздохнула. Порой, когда бабушки Кейзы не было дома, приходилось ее дожидаться, и сидеть одной в этой хижине Марике не очень нравилось. В отличие от их дома, у бабушки Кейзы все всегда было вверх дном. Вещи как будто нарочно сбегали со своих мест и оказывались совсем не там, где ты ожидал их увидеть. Добро бы это были обычные вещи, вроде поварешки или перловой крупы. Но однажды Марика обнаружила в кружке молока сушеный змеиный глаз. Здесь всегда надо было быть начеку.

Сейчас бабушка Кейза ничего не варила — это тоже было хорошо. Если она занималась приготовлением зелья или отвара, и думать было нечего о том, чтобы поболтать или просто о чем-то спросить. А какой смысл приходить в гости, если ты ни о чем не можешь поговорить? Надохлых мышей Марика могла вдоволь насмотреться и у себя дома — вот только там они висели аккуратными связками, привязанные за хвостики к потолку, а не валялись прямо на столе рядом с недельными лепешками.

Марика плюхнулась на лавку и схватила лепешку со стола, стараясь не смотреть на крохотные лапки мышей, скорбно сложенные на груди.

— С чем пожаловал, Волчок?

— Бабушка, почему ты называешь меня Волчком? — Марика принялась грызть черствый край, болтая ногами.

Кейза вздохнула. Этот вопрос она слышала постоянно — всякий раз, когда Марика прибежала к ней, она задавала один и тот же вопрос. Но не могла же Кейза ребенку объяснить все про *хедийе*, Данное имя, про жертвы и приношения, про служение и свободу...

— Я тебя так называю, потому что ты — Волчок.

— Но я девочка!

— Ты девочка-волчок.

Марика надулась. Каждый раз она надеялась, что бабушка все-таки придумает что-нибудь новое.

— А кто тогда ты?

Кейза снова вздохнула. Этот вопрос она тоже слышала уже не в первый раз.

— Я — *кизи, кориун*. Твоя мама, — продолжила Кейза, опережая следующий вопрос, — *доар, олень*, а бабушка Лагит — *легае, белка*.

Марика прыснула. Как всегда.

— А Тур Кийри?

Кейза покачала головой.

— Не у всех имя что-то значит.

Марика отломилла зубами новый кусок лепешки и громко захрустела.

— Бабушка, — спросила она, выковыривая застрявшую между зубами жесткую корку, — а что значит «ублюдок»?

В хижине повисла тишина.

— Где ты это услышала? — спросила Кейза, и Марика сжалась от того, как блеснули у бабушки глаза. *Кизи, кориун*.

— В деревне, — пробормотала она, глядя в пол.

— И кто это сказал?

— Мальчишки на улице.

— И кому они это сказали?

Марика молчала и смотрела в пол.

— Марика?

Девочка поджала губы.

— Мне. Они кричали «ведьмин ублюдок». Это что значит, бабушка? Что-то плохое, да?

Кейза молчала. Пожалуй, лучше уж говорить про *хедийе*.

— Не ходи больше в деревню, Марика.

Девочка вскинула на нее глаза — серо-голубые, ясные, как морозное зимнее небо.

— Я бы с радостью! Но ведь мама с бабушкой Лагит все равно меня туда отправят.

— Я поговорю с ними, — твердо сказала Кейза. — Чтобы больше не отправляли.

С тех пор в мире Марики остались только свои. Бабушка Кейза поговорила с мамой — это был один из тех разговоров, когда взрослые бормочут так тихо, что не разобрать ни слова, а их лица застывают и становятся непроницаемыми. После этого в деревню ходили только мама или бабушка Лагит. Марика не знала, называли ли их там тоже «ведьмиными ублюдками», но с трудом могла такое представить. Даже бабушка Лагит, хоть и была всего лишь *белкой*, умела иногда смотреть так, что лучше с ней было не спорить. Марика хорошо это знала.

Теперь вокруг нее были только правильные люди, которые правильно пахли. Когда жители деревни приходили к маме за помощью, Марики никогда не было дома — днем она всегда бегала по Лесу, или к бабушке Кейзе, или просто так. В Лесу люди ей не встречались. Один только раз, бредя по дороге домой, Марика бросила рассеянный взгляд вниз, на дальнюю гряду холмов, и увидела, что там, далеко-далеко внизу, идет человек. Марика застыла на месте. Она всегда считала, что за холмами ничего нет, а дорога идет вниз только для красоты, чтобы придать виду некоторую завершенность. Марика никогда раньше не видела, чтобы по этой дороге кто-то ходил.

Она кинулась домой и прямо с порога, едва переведя дух, крикнула:

— Мама, там на дороге *человек!*

Мама отбросила со лба пепельные волосы и слегка улыбнулась.

— Ну и что же, малыш? Мало ли кому понадобилось прийти в Туманный край.

Но Марика видела, как она еле заметно нахмурилась, а бабушка Лагит приподняла тонкие брови.

Мама месила тесто на лепешки, Марика принялась помогать и мешать ей изо всех сил и уже думать забыла про человека на дороге, как вдруг раздался стук в дверь. Все трое подняли глаза. Это был незнакомый, чужой стук.

Марика собиралась открыть дверь, но мама удержала ее и пошла сама. Бабушка Лагит притянула Марику к себе за плечо.

За дверью стоял человек в длинном балахоне, сером от дорожной пыли. Он был моложе, чем Тур Кийри, и выглядел совсем по-другому, непохоже на всех мужчин, которых довелось в своей жизни встречать Марике. Сантинельцы были высокими, с широкой костью, бледной обветренной кожей и пепельно-серыми волосами. Этот мужчина был небольшого роста, не выше мамы, очень худым, смуглым, и короткие волосы на голове чернели, как и глаза, темные и пронзительные.

Но мужчина не смотрел на Марику. Он смотрел на маму, а мама смотрела на него, и от их молчания Марике стало не по себе. А потом мама сделала шаг вперед, мужчина отступил, они вышли на улицу и закрыли за собой дверь, Марика слышала их глухое бормотание и представляла, какие непроницаемые при этом у них должны быть лица. Вдруг голоса стали громче, злее, дверь распахнулась, мама влетела в дом, а мужчина шагнул следом за ней. Марика вжалась в крепкие руки бабушки.

— Нет! — крикнула ему в лицо мама.

— Ты сама знаешь, что я прав! Посмотри на нее! У нее нет шансов — и тебе-то здесь делать нечего, а уж ей и подавно!

— Нет, — повторила мама тихо и ровно, и Марика невольно пожалела мужчину. Мама всегда так разговаривала, когда была очень зла.

— Она должна поехать со мной, — возразил мужчина.

— Она никуда не поедет, — ответила мама.

Они стояли друг напротив друга, почти одного роста — он был резким и сильным, как холодный февральский ветер, а она была спокойной и высокой, как ели, что скрипели в ночи над их домом.

— Сейчас, — неожиданно спокойно согласился мужчина, и Марика с удивлением заметила, что он совершенно не боится маму. — Но наступит день, когда ты не сможешь ее удержать.

— Возможно, — кивнула мама и почему-то улыбнулась, и Марика с еще большим удивлением поняла, что мама знает, что он ее не боится. И не сердится на него.

— Прощай, *Моар*, — неожиданно бросил мужчина, глянув на девочку в упор, и поднял руку в прощальном жесте. Ладонь у него была совершенно черной. Марика вздрогнула, а мужчина развернулся и вышел, и холодный ветер ворвался, взвыл и растревожил пламя в очаге прежде, чем дверь успела захлопнуться.

Сборщик податей приходил в деревню четыре раза в год — собирать налоги и переписывать то прибавляющееся, то убывающее население. Еще сборщик приносил новости из большого мира — теперь Марика знала, что

за холмами мир не заканчивался. Там он как раз и начинался.

Что значило слово «переписывать», для нее долго оставалось загадкой. Никто не учил Марику читать. Дождливými днями или в люты́й мороз, когда мама с бабушкой Лагит не отпускали ее на улицу, Марика брала единственную книгу в доме — ту, в которой мама и бабушка Кейза читали о всех зельях, заговорах, приворогах, которые они применяли, — и подолгу рассматривала непонятные закорючки и редкие картинки. Иногда Марика спрашивала маму и Лагит, что сказано здесь или о чем говорится тут, и постепенно непонятные закорючки стали означать слова, а слова — складываться из букв.

Позже Марика поняла, что буквы можно составлять и в другие слова, не только те, которые были написаны в книге. Теперь, когда дождь прекращался, она выбегала во двор и долго водила палкой по мокрому песку перед крыльцом, наслаждаясь удивительным, неожиданно открытым миром. Так Марика научилась читать и писать — однако она была твердо убеждена, что буквы нужны только для записей в маминой книге и чтобы развлекать себя во дворе, записывая знакомые слова и придумывая новые. Иного назначения для букв Марика не могла придумать.

Позже, правда, бабушка Кейза стала с ней заниматься. Когда Марике стукнуло девять, Кейза сказала, что пора взяться за ее обучение. Дора и Лагит не возражали — по правде сказать, они и так постоянно учили Марику всему, что знали сами. Однако теперь раз в неделю Марика, вместо того чтобы просто сидеть и болтать ногами в хижине бабушки Кейзы, шла с ней во двор и писала палкой на песке, но уже не знакомые или придуманные слова. Кейза учила девочку *хедийе*, Данным именам, тем именам, которые получали только ведьмы да еще маги,

живущие по ту сторону холмов. Теперь буквы обрели новый смысл — они стали носителями тайного знания, скрытой силы, безусловного значения. Но это был их предел. Буквы, как поняла Марика, нужны были только для магии. Недаром никто из деревни не умел их разбирать.

Тур Кийри часто навещал Дору и Лагит. По правде сказать, больше он любил навещать бабушку — так, по крайней мере, казалось Марике, потому что староста всегда заметно оживлялся, если вдруг заставал Лагит одну. Тур никогда не приходил с пустыми руками: у него всегда было что-нибудь полезное для мамы, красивое для бабушки и вкусное для нее, Марики. После его ухода мама и бабушка всегда менялись: красивое шло Доре, а полезное — Лагит. Порой Марика думала, что Тур бы, наверное, обиделся, если бы узнал, как мама и бабушка распорядились его подарками. Но молчала. Она знала, что у взрослых свои причуды.

И вот однажды Тур Кийри принес *письмо*. Марика с вытаращенными от изумления глазами смотрела на свернутый лист плотной бумаги. До сих пор она видела ее только в книгах у мамы и бабушки Кейзы — и хорошо знала, что вырывать оттуда листы строго запрещено. Поэтому Марика не могла взять в толк, откуда мог взяться этот отдельный лист. Неужели кто-то добрался до их книги и вырвал его оттуда? Она подумывала о том, чтобы тихонько проверить, все ли страницы на месте, но и мама, и бабушка были дома, и проделать это незаметно было невозможно.

Судя по всему, мама тоже очень удивилась, и даже бабушка Лагит подняла свои красивые тонкие брови.

— Что это? — спросила мама.

— Письмо. Вам пришло.

Мама и бабушка переглянулись.

— Откуда?

— Этого я уж не знаю, — виновато развел руками Тур. — Сборщик сказал, что письмо вам. А от кого оно — этого он не говорил.

Мама взяла лист и посмотрела на мелкие буквы, которыми тот был надписан. Нахмурилась, быстро сломала темную кляксу с непонятным узором, скреплявшую его края. Бабушка Лагит подошла к ней и встала за спиной.

— Что там? — не выдержала Марика, сгоравшая от любопытства. Она не знала толком, что такое *письмо*, но предполагала, что это должно было быть какое-нибудь совершенно удивительное волшебство — потому что для чего еще нужны буквы, как не для магии?

Мама подняла глаза и внимательно посмотрела на Марику.

— Ну что ж, — пробормотала она, откладывая исписанный лист на стол. — Сдается мне, что скоро у тебя будет компания.

Письмо и впрямь оказалось волшебным — в нем говорилось, что через два месяца к ним придет мальчик. И будет с ними жить.

Поверить в такое было невозможно. Марика никак не могла представить себе, что с ними действительно может жить кто-то еще. И этот мальчик был не чужим, он был своим, родным, судя по тому, как о нем говорили мама и бабушка Лагит. Целый новый, свой человек! Конечно, письмо было волшебным.

Мальчика звали Кристофер, он жил раньше в большом приморском городе вместе со своим отцом. Тот торговал, много путешествовал — и однажды он не вер-

нулся из плавания домой. Марика не совсем понимала, в чем было дело, но получалось, что мама и бабушка Лагит знали дедушку мальчика, папу мальчика и даже дядю мальчика. И вот теперь этот дядя написал им письмо с просьбой приютить мальчика у себя.

Марика знала, что давно, еще до того, как она появилась на свет, мама ушла за последние холмы, в большой мир, и бабушка Лагит пошла вслед за ней. Еще она знала, что задолго до того бабушка Лагит тоже уходила за последние холмы — правда, тогда за ней никто не пошел. Бабушка Лагит потом вернулась уже с мамой, а мама вернулась вместе с бабушкой Лагит и с ней, Марикой, и получалось, что из-за последних холмов все возвращались с маленькой девочкой. Марика не раз обдумывала, не сходить ли ей за последние холмы посмотреть, что же происходит там, в этом большом мире, но перспектива обзавестись своей девочкой всякий раз ее останавливала. Марика не была уверена, что готова к такому.

Она долго размышляла, будет ли у этого мальчика тоже маленькая девочка, когда он придет к ним. Ни мама, ни бабушка ни про какую девочку ничего не говорили, и Марика была уверена, что они не могли забыть о таком, если бы знали заранее. Пару раз она порывалась спросить — вдруг все-таки забыли? — но ей не хватало духу. Ладно, подумала наконец Марика, чего уж там. В крайнем случае, они же все равно эту девочку приютят, ведь правда же?

Приезд мальчика повлек за собой большие перемены — например, их хижина теперь стала больше. Со стороны Леса сын Тура Кийри соорудил пристройку, которая теперь должна была служить спальней для мальчика и Марики. Это было ужасно необычно — Марика не могла себе представить, что теперь будет спать не на лавке у стола, а на топчане в отдельной комнате. Ну хо-

рошо, еще в этой комнате будет спать мальчик, и еще, возможно, с ними же будет спать его маленькая девочка, но это все равно было очень странно.

Мама дважды ходила за последние холмы: первый раз, чтобы отправить ответ на письмо, а второй — чтобы встретить мальчика в Тремпе, последнем городе, лежащем почти на границе равнины и Туманного края. Марика опасалась, не принесет ли и мама с собой маленькую девочку — в конце концов, что они будут делать с таким количеством младенцев? — но первый раз мама благополучно вернулась одна. Когда она ушла второй раз, то велела ждать их через два дня.

Они стояли на дороге втроем: Марика, бабушка Лагит и бабушка Кейза, и неотрывно смотрели вдаль, а ветер трепал их волосы, черные пряди Марики и пепельно-седые — Лагит и Кейзы. Лица бабушек были твердыми, спокойными, и Марика вдруг подумала, что они похожи на скалы.

Когда между холмов показалось движение, Марика застыла. «Будет или нет у него с собой маленькая девочка?» — напряженно думала она, вглядываясь вдаль и пытаясь рассмотреть, не несет ли один из них маленький сверток. Но на таком расстоянии что-либо увидеть было невозможно.

Когда Дора и мальчик стали подниматься от реки к ним, Марика подалась вперед, но они шли спокойно и ровно, и никакого свертка, похожего на маленькую девочку, у них не было. Только у мальчика на плече болталась небольшая котомка, да мама несла в руке узелок.

Они подошли, ветер взметнул и их волосы тоже. Мальчик тряхнул головой, откидывая со лба золотистую челку. Он был ужасно высоким, на голову выше Марики, и его покрытое дорожной пылью лицо казалось ей страшно взрослым.

— Ты — Кристофер? — спросила Марика тихо.

— Я — Кристофер Тилзи, — ответил мальчик резко, снова тряхнув головой. Он говорил со странным акцентом, как будто все звуки у него во рту становились острыми и злыми.

Марика нахмурилась.

— Тилзи, — повторила она задумчиво и повернулась к бабушке Кейзе. — Это значит, что он — лис, правильно, бабушка?

Кейза прищурилась. Дора и Лагит переглянулись.

— Это ты сказала, — тихо ответила бабушка.

— Я не лис, — резко возразил мальчик. — Я Кристофер.

— Ты Кристофер-Лис, — невозмутимо ответила Марика. — Тилзи, *Тиласи*. Это значит — Лис.

Далеко в лесу, между стволов вековых елей, мелькнул рыжий всполох. Волк, до того спавший между узловатых корней, приподнял голову и широко распахнул глаза, ясные, как морозное зимнее небо.

III КРИСТОФЕР

На поверку Кристофер оказался совсем не волшебным. Марика и сама не могла бы сказать, чего ожидала, но спустя несколько дней, сидя на лавке и болтая ногами, Марика громко заявила:

— Он противный.

Кейза, которая в этот момент стояла к ней спиной, замерла на мгновение — ровно настолько, чтобы убрать с лица невольную улыбку, — и обернулась:

— Неужели?

Марика откусила лепешку и серьезно кивнула.

— И что же в нем противного? — продолжила Кейза, пристально глядя на внучку.

— Фше, — не переставая жевать, промычала Марика. Затем, дожевав, продолжила: — У него противный голос. Ужасно резкий, как будто он ножом слова режет. И он говорит так, как будто залез на ель и вещает оттуда, а мы все копошимся внизу — ты бы видела его лицо при этом!

— Я видела, — кивнула Кейза.

— Ну вот. И потом, он чуть что принимается рассказывать про Кларет, город, в котором он жил — как будто это центр мира! И смеялся надо мной, когда я сказала, что понятия не имею, где этот Кларет находится — как будто это кому-нибудь важно! И при этом, бабушка, ты не поверишь, но он ни разу в жизни не видел козу! Я сначала не поверила. Потом я подумала — ведь его

папа был очень богатый, может, у них была корова? Но Кристофер только фыркнул и заявил, что это дело крестьян — держать скотину. Бабушка, а что, у них в городе совсем нет молока?

— Не знаю, — осторожно ответила Кейза. О тонкостях городской жизни она была осведомлена не сильно больше внучки, а опыт научил ее помалкивать о том, чего не знаешь. В большинстве случаев это было лучшим способом прослыть умной. А Кейзу все считали очень умной.

— Бабушка, зачем он к нам приехал? — неожиданно спросила Марика, и улыбка тут же перестала щекотать Кейзу за щеками.

— Он приехал к нам, потому что ему больше не к кому было поехать.

— Но у него же есть дядя, который тоже живет в городе! — Марика вскинула свои огромные ясные глаза на бабушку, и в них были непонимание и обида. — Вот и жил бы у него... Зачем он нам?

Кейза ответила не сразу. Насколько она поняла со слов Доры, дядя Кристофера был совсем не тем человеком, которому стоило присматривать за мальчиком одиннадцати осеней от роду — и Кристоферу очень повезло, что его дядя считал точно так же.

Вот только сам Кристофер, очевидно, отнюдь не считал это везением.

«Бедные дети», — подумала Кейза, а вслух сказала:

— Марика, ты должна кое-что понять. Кристофер не просто мальчик. И даже не просто противный мальчик. Он — мальчик, который совсем недавно потерял отца. Понимаешь? У него никогда не было мамы, как у тебя, и бабушек — у него был только папа, и теперь этого папы больше нет. Кристофер привык жить в городе, но отныне ему придется жить не просто в деревне, а в глуши, в Туманном крае, буквально на краю света. Тебе

непросто это сделать, я знаю, но попробуй представить себя на его месте, хотя бы на мгновение. У него есть все основания быть противным. И даже очень противным, если подумать.

Марика так и застыла с широко раскрытыми глазами. Ее маленькое личико долго было совершенно неподвижным. Затем она медленно сползла со скамейки, отложила недогрызенный кусок лепешки на стол и тихо спросила:

— Бабушка, а у тебя еще осталась *брассика*?

Кейза слегка прищурилась.

— А зачем тебе?

— Надо, — слегка поджала губы Марика.

— А морковкой не обойтись?

Марика тряхнула головой. Кейза вздохнула, подошла к стене, на которой в беспорядке висели пучки разных трав вперемежку с прошлогодними опавшими листьями, и сняла маленький холщовый мешочек.

— Всего пара листочков осталась, — пробормотала Кейза, развязав шнурок и заглянув внутрь. — Пускай потом мама вернет, договорились?

Марика кивнула. Кейза достала маленький сморщенный почерневший листочек и осторожно протянула его девочке, та сняла с шеи косынку и осторожно завернула в него *брассику*.

— Спасибо.

— Не скажешь все-таки, зачем она тебе понадобилась?

Марика снова помотала головой. Кейза слабо усмехнулась.

— Ну хорошо. Тогда беги, пока солнце не село.

Марика кивнула и выскочила на улицу.

— Не несись сломя голову! — крикнула Кейза вслед, но Марика, как обычно, была уже слишком далеко, чтобы услышать.

Она бежала через Лес, который дышал ей в лицо теплым вечерним воздухом, запахом разогретой на солнце сосны и душистого вереска. Марика не останавливалась ни на мгновение, и только один раз, выскочив на дорогу, ведущую к последним холмам, она помедлила и посмотрела вдаль, туда, где из-за бархатных склонов холмов выросло желтое предзакатное небо.

«Когда-нибудь я обязательно попаду туда», — подумала она, развернулась спиной к солнцу и понеслась по дороге вверх, навстречу темным елям, чья тяжелая хвоя в лучах солнца становилась будто бы еще гуще.

Марика не стала заходить в дом, а обогнула его и подошла к задкам новой пристройки. Здесь все еще чувствовался запах свежеструганного дерева, землю покрывали щепки и мелкие стружки, порыжевшие и разбухшие после недавнего дождя. Как Марика и ожидала, Кристофер был тут — он сидел на опрокинутом чурбаке, прислонившись спиной к стене и уставившись на темный Лес, который начинался почти у самого дома. С самого первого дня мальчик чуть ли не все время проводил здесь. Сказать по правде, отчасти поэтому Кристофер так раздражал Марику. Это было *ее* любимое место. Марика попыталась в первый вечер посидеть вместе с ним, но ничего не получилось. Это было место добровольного одиночества, раздумий и мечтаний. Оно совершенно не подразумевало компании. С тех пор когда бы Марика ни собиралась посидеть на чурбаке, она неизменно обнаруживала, что тот уже занят. Разумеется, она не могла простить Кристофера.

Мальчик никак не отреагировал на появление Марики, но он вообще редко обращал на нее внимание, если только она не наступала ему на ногу и не обливала кипятком. Марика подошла поближе и немного постояла молча. Кристофер продолжал смотреть на Лес.

— Привет, — неуверенно сказала она. Он не ответил.

Марика вздохнула. Как только она перестала бежать, мышцы налились усталостью и тело сковало сомнение. Бабушка Кейза, конечно, была очень умной и всегда говорила правильные вещи. Но ведь ей не приходится каждый день разговаривать с *ним*.

Но Марика все равно уже принесла с собой *брассику*. Было бы глупо теперь ее не использовать.

Марика медленно опустилась на колени и развернула узелок с бесценным листочком. Краем глаза она заметила, что Кристофер повернулся к ней. Марика осторожно расправила косынку на земле, посмотрела на Лес и тихонько прошептала:

— *Тавсан...*

Ничего не произошло. Марика напряженно смотрела на Лес, а Кристофер недоверчиво смотрел на нее.

— Что ты делаешь? — спросил он, как обычно, резко.

— Чш-ш-ш! — шикнула Марика, вглядываясь в кусты, растущие по краю опушки. Кристофер быстро повернулся туда. Что-то зашуршало, и в невысокой траве показались длинные ушки и любопытный, непрестанно шевелящийся нос.

— Это же... — вздохнул мальчик, но Марика снова шикнула и нетерпеливо махнула на него рукой. Кролик испуганно замер, дернул ушами, потом снова повел носом и осторожно поскакал в их сторону. Кристофер застыл на чурбаке.

— *Тавсан*, — снова тихо позвала Марика, и кролик поскакал быстрее, смешно вскидывая толстую попу. Приблизившись вплотную к Марике и ее платку, он с лету уткнулся носом в сморщенный потемневший листик и так и застыл. Кристофер задержал дыхание.

Марика потянулась и взяла кролика на руки. Когда она поднимала его с земли, нос зверька продолжил тя-

нуться вниз, как будто прилип к *брасике*, лежавшей на платке. Марика подобрала ее и протянула кролику, затем осторожно поднялась и подошла к Кристоферу. Кролик мгновенно зажевал листок и обмяк, прикрыв глаза.

— Хочешь его подержать? — предложила Марика мальчику. Тот с шумом выдохнул и спросил, не отрывая глаз от одурманенного кролика:

— Что ты с ним сделала?

— Скорила ему *брасику*. Это заговоренный лист капусты.

Кристофер вскинул на нее глаза, и в них снова мелькнуло недоверие:

— Капусты?

Марика серьезно кивнула.

— А что тебе не нравится?

— Ну, — неуверенно протянул мальчик, снова переводя взгляд на кролика, в полном блаженстве разлегшегося у Марики на руках. — Я думал, что заговаривают разные... *особенные* растения. Белладонну, например, или что-то в этом роде.

Марика слегка фыркнула.

— Кролики не едят белую донну. Они едят капусту. Так ты хочешь его подержать, Кристофер?

Мальчик медленно кивнул. Марика протянула кролика, и Кристофер очень осторожно принял его, вздрогнув, когда кролик слегка забил задними лапками. Марика снова фыркнула.

— Не бойся, он тебя не тронет.

Кристофер ничего не ответил, медленно поглаживая шелковистую шкурку.

— Зови меня Кит, — неожиданно сказал он.

— Кит?

— Да. Меня так зовут.

— Но тебя зовут Кристофер, — неуверенно возразила Марика.

— Да. Но папа всегда называл меня Кит.

Марика немного помолчала.

— Хорошо. Я буду называть тебя Кит.

Мальчик снова кивнул.

— А долго еще он будет таким... ручным? — спросил Кит. Марика пожала плечами.

— Не знаю. Но когда он откроет глаза, надо будет его сразу отпустить. А то он может и укусить.

Кит погладил мягкие уши.

— Скажи, Кит... — начала Марика и осеклась, закусив губу. Кит посмотрел на нее, и Марика в который раз удивилась, какими же темными, почти черными были у него глаза.

— Да?

— Тебе очень плохо у нас?

Кит опустил голову и снова принялся теревить кроличьи уши.

— Уже не очень, — неожиданно улыбнулся он, и Марика в изумлении уставилась на него.

Она никогда раньше не видела, чтобы Кит улыбался.

Когда Марика бежала от бабушки Кейзы с завернутым в платок капустным листом, в голове у нее возникла картина будущей дружбы с Кристофером. Она должна была начаться с кролика и впоследствии вырасти в нечто прекрасное и необъятное, как закатное небо. Но реальность сильно разошлась с ее ожиданиями.

Конечно, эпизод с кроликом произвел на Кита большое впечатление. Но если Марике и удалось в опреде-

ленной степени завоевать его доверие, она все равно ничего не могла поделать с тем, как Кит себя вел. Теперь он стал обращать на нее внимание и даже разговаривать с ней, но иногда Марика задумывалась, не лучше ли было бы, если бы он так и продолжал молчать.

Она помнила слова бабушки Кейзы и искренне пыталась заставить себя жалеть Кита — однако ее сочувствие и внимание не могли изменить его резкий голос или привычку заноситься. Кит обожал хвастаться своим знанием городской жизни и мира вообще, а Марика — не без разумного основания — отказывалась принимать на веру все, что он ей рассказывал. Когда была такая возможность, она прибегала к помощи мамы или бабушки Лагит, которые не хуже Кита знали, как устроен мир, и потому могли в случае чего вывести его на чистую воду. Но и мама, и бабушка были рядом далеко не всегда, возвращаясь из деревни, они часто заставляли обоих детей в слезах, с покрасневшими от злости лицами. Лагит старалась мягко их увещевать, Дора строго велела немедленно прекратить ссору — и на время в доме наступал покой. Но длился он обычно недолго.

Как-то раз Дора, устав от их непрекращающихся пререканий, выставила детей на улицу. Стояла осень, солнце уже село, и черные ели медленно качались на фоне бесцветного серого неба. Кит и Марика сначала встали далеко друг от друга, с двух сторон от крыльца, и молча слушали, как скрипят толстые стволы и шумит налетающий ветер. Потом Марика развернулась и пошла на зады, к чурбаку. Но Кит опередил ее, когда она повернула за угол, он уже сидел там, демонстративно вытянув длинные ноги.

— Пусти! — обиженно крикнула Марика, но тут же осеклась. Мама могла услышать ее из дома и еще больше рассердиться. — Это нечестно! — яростно прошептала она.

